

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В АВСТРАЛИЙСКОМ СОЮЗЕ: НОВЫЙ ХХІ ВЕК, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Опыт Западной Европы рубежа ХХ–ХХІ веков продемонстрировал особый, культурологический аспект проблемной стороны глобального межэтнического и межконфессионального диалога. Оказалось, что основная его издержка связана не только и не столько с количеством мигрантов, сколько с социально-культурной дистанцией между ними и «старожилами». Новопоселенцы – преимущественно выходцы из мусульманских стран, обладают ментальностью, типологически сходной с менталитетом сельской общины доиндустриального общества – «гемайншафта» (по терминологии известного социолога Ф. Тенниса). Подобному типу социальной организации присуща избыточная приверженность к традициям, ригидность, консерватизм, закрытость, клановая солидарность и рекрутирование, ориентация на авторитаризм¹. Все это ставит носителей подобных стереотипов в маргинальное положение относительно современной, «городской» цивилизации.

Конечно, и такие социальные характеристики могут меняться в новых условиях. Но так как адаптация мигрантов в европейских странах походила в рамках парадигмы *культурной многоукладности (мультикультурализма)* – комплекса мер, которые поддерживают существование в одном обществе различных культур, то есть особых часто несопоставимых систем ценностей, официально признаваемых равнозначными, дистанция между доминирующим населением и приезжими не уменьшалась. И соответствующие модели поведения последних, по ряду параметров неприемлемые для европейцев, нарушили сложившийся социальный климат, и, создав обстановку напряжения, беспокойства и тревоги, «подогрели» ксенофобные настроения, чье острие по указанным причинам направлено в основном против мусульман.

В этой связи закономерно, что в начале второго десятилетия XXI века правительства Франции и Германии, ощущая недовольство большинства населения растущей «исламизацией» этих стран, объявили о пересмотре политики культурной многоукладности. Британский премьер-министр Д. Кэмерон пошел дальше, объявив о провале курса мультикультурализма и призвав юных мусульман больше интегрироваться в общество, чтобы противостоять доморощенному экстремизму. По его словам, «толерантность по принципу руки прочь» от тех, кто отвергает западные ценности, неуместна. А вот вернуться к идеям гражданского равноправия и верховенства закона для всех – необходимо².

Для Австралийского Союза (АС) такого рода вопросы стали проблемными после того, как в 1970-е годы курс на поощрение этнического многообразия общества сменил политику «белой Австралии», построенную на жесткой фильтрации иммигрантов и нацеленную на их полную ассимиляцию. Первоначально мультикультурализм, построенный на принципе «единство в многообразии», действительно способствовал улучшению социального климата, налаживанию межэтнического взаимодействия в гетерогенном австралийском обществе и консенсусу в данном вопросе двух основных политических сил – Австралийской лейбористской партии (АЛП) и коалиции Либеральной и Национальной партии. Все это сделало АС крайне привлекательным для иммигрантов, но уже к концу 1980-х гг. начали проявляться негативные стороны избранного курса. Не останавливаясь подробно на этих сюжетах, проанализированных мной ранее, подчеркну следующее. Самыми тревожными признаками пробуксовывания мультикультурной модели были фрагментализация социума по этническому признаку и, как ни парадоксально, рост межнациональной и межконфессиональной напряженности. Эти тенденции, затрагивая в какой-то мере все группы населения АС, получили наибольшее развитие среди диаспор из стран Азии, особенно мусульманских, чаще и активнее других не желающих согласовать свои интересы со стандартами доминирующего общества³.

В XXI веке подобные явления стали еще более рельефными, и упомянутая напряженность в ряде случаев обернулась от-

крытой конфликтностью. Это, на мой взгляд, было неизбежно, поскольку австралийский мультикультурализм трансформировался в симбиоз избыточно либеральных мер регулирования иммиграционного притока, политкорректной риторики и практики национального строительства, в котором идея поощрения «этнокультурного многообразия» стала брать верх над принципом «гражданского единства». Анализу именно этих негативных сторон указанной политики посвящена данная статья.

Итак, первая и наиболее болезненная проблема, с которой сталкивается современная мультикультурная Австралия – это нарастающее и переходящее порой во враждебность отчуждение англо-кельтского, или даже шире – европейского большинства и мусульманского меньшинства (на 2006 г. его численность составила 340,4 тыс. чел., или 1,7% населения)⁴. Очень часто и без достаточных оснований эта проблемная ситуация рассматривается в категориях «интолерантное большинство» и «дискриминируемое меньшинство». Однако реальность опровергает такой примитивный подход: австралийские мусульмане – общность, которая после Войны в Заливе 1991 г., событий 11 сентября 2001 г. и террористического акта против австралийских туристов на о. Бали в 2002 г. с нарастающей активностью противопоставляет свое видение этих явлений их общественной оценке. Так, недовольство мусульман вызвало присоединение Австралии к борьбе против международного терроризма: они расценили это как агрессию против них и их веры. И дело не ограничилось словами – минимум дважды речь шла об угрозе исламского терроризма на территории АС. В 2005 г. в ходе антитеррористической операции было арестовано 17 чел., включая известного исламского проповедника – австралийца алжирского происхождения Абу Бакра. По словам прокурора Р. Мейдмента, он и его люди создали террористическую группу, ставившую цель «убивать невинных людей». В результате рейдов были конфискованы компьютеры, оружие и химикаты «того же типа, что были использованы в ходе терактов в лондонском метро»⁵.

В сентябре 2010 г. общественность вновь узнала о суде над пятью мусульманами, обвиняемыми в планировании нападения на одну из военных баз в Сиднее. Все они были гражда-

нами АС, происходившими из Сомали или Ливана, в возрасте от 23 до 36 лет, а их целью было убийство как можно большего числа военнослужащих. Для легитимизации таких планов один из участников даже побывал в Сомали, чтобы получить фетву – благословение исламского духовенства на теракт, которую им не дали шейхи в Австралии. По мнению полиции, намечавшийся теракт мог стать самым худшим в австралийской истории. Свои действия эти люди объясняли тем, что, по их мнению, «ислам подвергался атакам со стороны таких наций как Австралия, чьи войска находятся в Афганистане». Впрочем, судья Бетти Кинг, вынося вердикт, постаралась в духе политкорректности максимально смикшировать этноконфессиональный аспект казуса, сводя его исключительно к криминалу: «Исламская вера не подлежит суду. Речь не идет о принадлежности к мусульманам»⁶.

Безусловно, никакое вероучение само по себе не подлежит суду, и не следует видеть в каждом мусульманине террориста. Более того, официальная позиция лидеров мусульманских общин АС была всегда выдержана в примирительном духе. В июле 2005 г. в ответ на инвективу премьер-министра Дж. Говарда, что местные исламские лидеры не слишком активно осуждали акты терроризма (некоторые даже назвали Осаму бен Ладена «хорошим человеком»), шейх Фехми Наджи Аль-Имам заявил: мусульманское духовенство Австралии не проповедует насилия, не инспирирует «поджигательские нападки», а «религия ислама никому не позволяет нападать на невинных людей». Он особо подчеркнул: «Мы не хотим, чтобы что-либо случилось здесь, ради мусульманского сообщества, ради всего австралийского общества, ради всех. У нас есть дети и внуки в Австралии, и мы собираемся остаться здесь навсегда, так же как и другие, поэтому давайте соединим руки и будем работать вместе и поощрять стиль жизни, который мы хотим между нами».⁷

Однако политкорректные заверения часто слабо связаны с некоторыми реалиями межэтнического взаимодействия, особенно на бытовом уровне, где поведение индивидов регламентируется не декларациями, а стереотипными представлениями. В декабре того же 2005 г. страну потрясли массовые беспорядки в Сиднее, продолжавшиеся, несмотря на оперативные дей-

ствия полиции, две недели. Поводом стало нападение восьми выходцев из арабских стран на четверых белых австралийцев, в том числе на двух девушек-спасателей (одну из них тяжело ранили), работавших на расположенном в окрестностях города пляже Кроналла. Молодые мусульмане таким способом выказали недовольство присутствием «чужих» на «их» территории. Более 5 тыс. белых австралийцев вышли на улицы, чтобы дать отпор распоясавшимся хулиганам, под лозунгом «Мы выросли здесь, вы прилетели сюда». Появились и националистические призывы выставить вон всех выходцев с Ближнего Востока. В ответ у стен городских мечетей собирались толпы мусульман, вооруженных ножами, битами, мачете и огнестрельным оружием. Прозвучали призывы к мести, и толпа, выкрикивая националистические оскорбления в адрес своих белых сограждан, начала громить машины и магазины. В подоспевшую полицию полетели кирпичи и стекло. Была подожжена одна из располагавшихся поблизости христианских церквей, принадлежавшая тонганской конгрегации. Дополнительно вызванным отрядам полиции удалось заставить агрессивно настроенные группы разойтись по домам; стражи порядка конфисковали около 30 бутылок с «коктейлем Молотова». В результате почти 30 человек, в том числе 16 полицейских, получили ранения, погромщики повредили более 40 автомобилей; почти 30 человек арестовали за участие в мятеже и разжигание межнациональной розни⁸.

Описанные события продемонстрировали не только огромный по австралийским меркам масштаб межнационального противостояния, но издержки политкорректной юстиции. С одной стороны, на специальной сессии парламента штата Новый Южный Уэльс (НЮУ) были приняты экстренные меры для противодействия насилию, в частности, поправки к закону о полномочиях полиции, которой предстояло в течение ближайших двух лет действовать в режиме, аналогичном чрезвычайной ситуации. Органы охраны правопорядка получили право выставлять кордоны на дорогах, останавливать, задерживать и досматривать автомобили, требовать подтверждения удостоверения личности в определенных районах и территориях и приостанавливать лицензии на продажу алкоголя в экстренных случаях. Одним из самых эффективных способов предотвраще-

ния беспорядков, по мнению властей, являлось ужесточение мер наказания зачинщикам погромов, которые не могли выходить на свободу под залог, а организаторам беспорядков грозило до 15 лет лишения свободы. Впоследствии аналогичные меры пришлось применить еще в двух случаях – в Даббо во время беспорядков аборигенов в январе 2006 г. и в округе Миранда в марте 2006 г., где в столкновении на парковке автомобилей опять были замечены главным образом выходцы из стран Ближнего Востока.⁹

С другой стороны, хотя представители меньшинств и говорили об ужасе перед расизмом большинства, о котором они и не подозревали, и винули во всем власти страны, мусульмане, задержанные в ходе беспорядков в Кроналла, отделались чисто символическими наказаниями – общественными работами, тогда как их оппоненты получили до года тюрьмы. Премьер-министр НЮУ М. Йемма со своей стороны обрушился на «отвратительное трусливое поведение» представителей большинства, назвав их «бандитами», «расистами», «идиотами» и «пьяницами». Одновременно с этим правительство штата выделило 440 тыс. долл. на обучение арабских женщин спасению на водах, а также несколько миллионов на трехлетнюю программу обучения арабов серфингу и поведению на пляжах, что очень походило на плохо скрываемый подкуп мусульманских общин. И такое правосудие с «этническим оттенком» было расценено представителями меньшинства соответствующим образом. Один австралийский журналист опубликовал-таки политически некорректную информацию, о том, что говорили по этому поводу в арабской среде: «Арабов нет сегодня в Кроналле, потому что там слишком много белых свиней. Сегодня пляж может быть и их. Завтра он будет наш»¹⁰.

Примирительная, но односторонняя позиция властей далеко не всегда совпадала с настроениями большинства, которое, тем не менее, предпочитало выражать свое недовольство в рамках законности. Так в конце 2007 г. в юго-западном пригороде Сиднея – Кэмден возникли трения по поводу проекта строительства исламской школы на 1200 мест стоимостью 19 млн. \$. Выступление против этого проекта возглавил представитель христианских демократов преподобный Ф. Найл. На ми-

тинг, собравшем более 1 тыс. человек, он напомнил собравшимся о противостоянии ислама христианству и заявил, что некоторые исламские школы за рубежом готовят террористов: «Ничего хорошего нет в том, чтобы прятать голову в песок, как это делают в Соединенном Королевстве, Франции и Голландии. Теперь они получили массовые социальные проблемы, я не хочу увидеть эти же проблемы в Австралии»¹¹. Далее ситуация стала развиваться по предконфликтному сценарию. Намерения инициаторов проекта объяснил президент Австралийской федерации исламских советов Икбал Пател: «Если причина беспокойства – поведение мусульман в Австралии, единственный путь исправить это поведение – это дать образование детям в хорошо контролируемом окружении, главным образом под покровительством различных государственных департаментов. Это как раз то, что исламское сообщество, стоящее за этой школой, и стремиться сделать, я полагаю, в Кэмдене». Его поддержал представитель Коранического общества Дж. Бингхэм, подчеркнувший, что протест против школы – это всего лишь мнение меньшинства, опасющегося «чего-то необычного и другого». «Кажется, у нас есть группы христиан, которые еще не знают, что крестовые походы закончились» – подытожил он¹².

В принципе, сами по себе исламские школы привычны для Сиднея: еще в 1989 г. в западной окраине города – Гринакре была основана школа Малек Фадха, где число учащихся за эти годы выросло с 87 до 1,7 тыс. человек. Однако протестовавшие против открытия новой школы исходили не из политкорректной риторики, а обыденного опыта – бытового поведения мусульман, живущих в пригородах Сиднея, и их недоброжелательного отношения к европейским соседям: «Если ты спускаешься в Лакемба, Бэнкстаун (районы Сиднея, где мусульманское население достигает 20% – *Н.С.*) ... то сталкиваешься с их презрением, не желанием говорить с тобой»¹³. Все это свидетельствует о том, что в основе отторжения большинством клана меньшинства лежит культурологический мотив. Мусульманская школа воспринимается как институт, содействующий еще большему разделению австралийцев, как символ особого статуса отдельной этноконфессиональной группы, как

ее попытка усилить свое влияние. Поэтому многие люди оценили проект школы для мусульман как нечто «конфронтационное и несколько жуткое» и заговорили о вероятности «повторения новой Кроналлы». И разъяснения Патела, что ислам почитает Христа за пророка, а австралийские мусульмане с удовольствием обмениваются подарками на Рождество, равно как и утверждения мэра Кэмдена К. Пэттерсона, что большинство выступавших против строительства школы обеспокоены проблемами транспорта, а не религиозными или расовыми мотивами, не разрядили атмосферу взаимного отторжения¹⁴.

Типологически сходным выглядит и второй комплекс проблем мультикультурного устройства австралийского общества – издержки, созданные потоком нелегальных беженцев из Азии, практически беспрепятственно проникающих через северные границы страны. Массовый характер эти миграции приобрели с конца XX века, когда для индонезийских контрабандистов перевоз нелегалов в АС превратился в бизнес, приносящий миллионные прибыли. Попытки тогдашнего премьер-министра Дж. Говарда подсократить число беженцев, договорившись с соседними государствами Океании о временном размещении у них соискателей австралийского гражданства (так называемое «тихоокеанское решение») вкупе с ужесточением визовых ограничений и переговорами с властями Индонезии привели к искомому результату. Жесткие меры правительства практически свели к минимуму попытки нелегального проникновения в страну¹⁵. Но фактически они были отменены в период правления К. Радда, который вернул нелегалов в центры временного содержания на территории АС, значительно облегчив получение вида на жительство. Это резко ускорило рассмотрение их дел и упрощало возможности найти поддержку, а порой и укрытие внутри этнически родственных общин в австралийских городах. Такие изменения привели лишь к увеличению потока нелегальных иммигрантов и не способствовали укреплению консенсуса в австралийском обществе. Факты говорили лишь о росте злоупотреблений в этой области. В конце июля 2010 г. достоянием гласности стали видеоматериалы об обсуждении прибыльности своего бизнеса двумя контрабандистами, которые проживали в АС, получив статус беженцев

через Высокую комиссию ООН по делам беженцев (по их словам, перевоз одного нелегала к берегам Австралии давал им 7 тыс. \$ US). Чиновник упомянутого подразделения ООН в Индонезии М. Джордао, содействовавший натурализации этих «бизнесменов» в АС, заявил, что это – следствие несовершенства системы, которую постоянно улучшают. Тем не менее, он признал, что в начале 2010 г. число беженцев из Индонезии выросло с 50 до 500 случаев – то есть десятикратно¹⁶.

Поведение самих иммигрантов-нелегалов также составляет предмет постоянного беспокойства для австралийских властей и общества. Широкий резонанс получил разгоревшийся в феврале 2011 г. скандал вокруг крушения у берегов континента очередного судна с азиатскими беженцами, пытавшимися в обход закона проникнуть в АС. Погибшим были организованы похороны по мусульманскому обряду за счет государства. Но живущие в Сиднее родственники покойных все равно остались недовольны, ибо церемония не точно соответствовала канонам, а некоторые их единоверцы и вовсе потребовали отправить тела погибших в Ирак, чтобы похоронить их, как того требует ислам. Словом, выходцы из этой страны были «очень опечалены и рассержены», посчитав, что власти вели себя некорректно¹⁷.

Самовольно прибывшие в АС выходцы из стран Азии регулярно выражали протест против содержания их в центрах временного пребывания самыми разнообразными способами – от подачи жалоб проверявшим их представителям международных правозащитных организаций до бунтов и уничтожения имущества и зданий самих этих центров. Только в начале 2011 г. властям приходилось неоднократно сталкиваться с волнениями в центрах для беженцев: на о. Рождества, в Сиднее, в Западной Австралии. В сиднейском центре Виллавуд около 100 его обитателей сожгли девять зданий, включая кухню, медицинский центр и компьютерный зал. Это стало вторым в текущем году случаем поджога имущества иммиграционных центров в АС¹⁸.

В апреле 2011 г. в центре Кертин в Западной Австралии 80 беженцев участвовали в мирных акциях протеста и 12 объявили голодовку. На их поддержку и защиту из Перта отправились

почти 60 активистов, считавших, что права пребывающих в там нарушаются¹⁹. Подобного рода акции неизменно сопровождали любые действия правительства по коррекции иммиграционной политики. Так, в конце апреля 2011 г. вновь обострилась ситуация на о. Рождества. Поводом стало заявление министра по делам иммиграции К. Боуэна о намерениях правительства ввести практику временных виз и ужесточить требования к соискателям убежища в АС (особенно к тем, кто был замечен в действиях криминального характера – таких, как, например, поджог). По словам министра, «это значительно прояснит ситуацию и оправит четкое послание людям в иммиграционных центрах, что деструктивное поведение не приемлемо»²⁰. Решение нынешнего правительства вернуться к восстановлению виз по категории временной защиты (они были введены в период правления Дж. Говарда и отменены в 2008 г. К. Раддом) в принципе не содержат ничего дискриминационного. Оно не запрещает прием беженцев, но им предоставляются ограниченные права, и сохраняется возможность депортации в случае каких-либо нарушений порядка пребывания в АС²¹. Тем не менее «прогрессивная» общественность страны – от всевозможных правозащитников и маргинальных политиков до адвокатов нелегалов – обрушилась на власти АС, утверждая, что они отправят беженцев в страны исхода, где им, якобы, грозит смерть.²² Не касаясь вопроса о достоверности подобных утверждений, хочу подчеркнуть, что без ограничительных мер пресечь незаконное пересечение границы вряд ли удастся.

Следует также отметить, что перечисленным внутривнутриполитическим коллизиям часто сопутствуют внешнеполитические осложнения ввиду тесных связей этнических диаспор в АС со странами исхода. Когда в начале 2010 г. участились нападения на индийцев в Сиднее и в Мельбурне, часть которых, по словам главы полиции штата Виктория С. Оверленда, «носила расистский характер»²³, дело сразу же обрело международное звучание. На защиту соотечественников встали официальные инстанции Индии. Министр иностранных дел этой страны С.М. Кришна пригрозил австралийскому правительству санкциями, если не будут приняты адекватные меры по обеспечению безопасности индийцев в АС.²⁴ Аналогичным образом, в течение

ряда лет власти АС вынуждены вести нелегкие переговоры с Индонезией, рассчитывая на содействие ее правительства в деле прекращения или хотя бы ограничения контрабандных перевозок нелегалов в АС. Сложность таких переговоров обусловлена зависимостью ключевых отраслей хозяйства Австралии от экспорта, финансовой выгодой от обучения в австралийских университетах иностранных студентов, интересами туристической индустрии. Порядок регулирования австралийскими властями иммиграции постоянно находится и в зоне внимания таких международных организаций, как Лига арабских государств или ООН, чьи документы о защите прав человека стали базой для развертывания мультикультурализма в странах совокупного Запада. К слову сказать, на совокупном Востоке этим декларациям никогда не придавали большого значения; во всяком случае, они не играют особой роли при разработке внутривосточного курса правительствами тех же арабских стран или КНР.

В таком контексте поневоле создается впечатление, что главная цель политического класса АС – не допустить даже мысли о том, что в основе социально-политической конфликтности в стране могут лежать этнические и конфессиональные мотивы. Зацикленность на приверженности к мультикультурализму и стремление во что бы то ни стало сохранить этот курс диктуют им тактику страуса – спрятать голову в песок. Тогда как перечисленные факты говорят о том, что в XXI веке положение в области межкультурного взаимодействия не улучшается, напротив, машина взаимного отчуждения, пусть медленно, но набирает скорость. Результат этого процесса – аккумуляция взаимной враждебности и нетерпимости, копившейся под прессом политкорректности и в любой момент и по любому поводу готовой взорваться новыми актами насилия.

Ситуация с мультикультурализмом и его перспективами в АС действительно сложна. Обострение проблем межэтнического и межконфессионального взаимодействия в стране на рубеже XX–XXI вв. и недовольство существующим положением дел основного населения, а не только диаспор, побуждало политиков к попыткам сделать модель культурной многоукладности более приемлемой для большинства австралийцев. Не отказываясь от концепции сохранения этнического многообразия,

коалиционное правительство Говарда попыталось подкорректировать практику национального строительства, сместив в ней акцент с поощрения этничности на главенство общегражданских ценностей Австралии. Одной из таких мер стал закон 2007 г. о гражданстве, который ужесточал требования к его получению, увеличивая для претендентов на натурализацию срок постоянного, без нарушения законов пребывания в АС с двух до четырех лет и вводя тест на знание английского языка, истории и культуры страны²⁵.

В принципе, по словам наблюдателей, в период правления коалиции «мультикультурализм вышел из фавора», хотя сама эта идея, естественно, не исчезла из политического обихода. В лексиконе чиновников поучили приоритет категории «интеграция и гражданство», а культурная гетерогенность была отнесена к второразрядным вопросам. К концу 2006 г. находившаяся в оппозиции АЛП «тоже разлюбила эту идею». Но глубину изменений в ее подходе выразил теневой министр Т. Берк: «Интеграция – это то, как вы заставляете работать **мультикультурное общество**» (выделено мной – Н.С.)²⁶.

И лишь отдельные политики отважились на более критическое отношение к рассматриваемой парадигме. В январе 2006 г. лейборист-парламентарий из Квинсленда Э. МакНамара предложил отказаться термина «мультикультурализм», так как он несет в себе то, чего нет в австралийской культуре: возможность некоторых люди не принимать ее ценности, включающие толерантность, свободу религии, равенство перед законом и демократию. «Наша национальная культура может вобрать в себя все оттенки разнообразия, но тот, кто не принимает эту культуру – нападает на нее»²⁷. В начале 2007 г. лидер оппозиции НЮУ П. Дебнем предложил разработать политику «практического мультикультурализма», которая, в частности, включала изучение английского не как второго, а как первого языка в программах школ. Он считал необходимым придать новое звучание идее культурного плюрализма «как практической политики включения, а не разделения»²⁸.

В ответ активизировались апологеты концепции этнической многоукладности: представители Антидискриминационной комиссии АС, партии Австралийских Демократов и др.

Они призывали пропагандировать достижения этого курса, чтобы снизить страхи общества перед мусульманским экстремизмом. Естественно, в общественную дискуссию активно включились и лидеры мусульманских общин. Так, Кейсар Трад из Ассоциации исламской дружбы осудил австралийских политиков за недостаточную активность в сфере мультикультурализма, указав на необходимость в большей мере учитывать позицию меньшинств. По его мнению, «Австралия занимает лидирующие позиции в области мультикультурализма и может показать мировому сообществу его выгоды»²⁹. В 2007 г. этнические сообщества НЮУ выразили свое разочарование тем, что, по их мнению, в ходе проводившихся в этом штате выборов обе ведущие политические партии уделили им мало внимания. Председатель Верховного исламского совета Габр Аль-Гафи заявил в связи с этим, что предвыборная кампания стала упущенной возможностью для прекращения использования мультикультурализма в качестве бранного слова. Его фактически поддержал Совет этнических общин НЮУ³⁰.

Приход к власти в ноябре 2007 г. АЛП во главе в К. Раддом практически не отразился на интерпретации политическим классом общей концепции мультикультурализма. Он разве что принес в 2008 г. ожидаемые прогрессивной общественностью извинения перед аборигенами. Но в остальном, как и при его предшественнике, все ограничилось косметической коррекцией: слово «мультикультурализм» убрали из официального названия министерства по делам иммиграции, не включив его в наименования иных министерств. Такое положение сохраняется и при Дж. Гиллард, сменившей Радда на посту премьер-министра.

Для нынешнего кабинета решение обозначенных проблем еще более затруднено результатами выборов 2010 г.: правительство Гиллард пока полностью зависит от очень ненадежных союзников – независимых депутатов, благодаря которым оно располагает в нижней палате большинством всего в один голос. При таком раскладе любое неосторожное действие может повлечь за собой внеочередные парламентские выборы с непредсказуемым исходом, и федеральное правительство предпочитает ничего не менять, в том числе в сфере межэтническо-

го взаимодействия³¹. Оно лишь провозгласило, что будет и далее развивать мультикультурную политику и бороться с расизмом и религиозным экстремизмом. В связи с чем министр по делам иммиграции К. Боуэн подчеркнул, что хотя во всем мире объявляют о смерти мультикультурализма, его местная модель уникальна: сочетая в себе уважение к австралийским ценностям, она ставит в центр понятие единого гражданства, а ее основные принципы поддерживают обе ведущие политические силы. Словом, «это – наилучшая политика для продолжения строительства сплоченной основанной на иммиграции нации». В практическом плане был создан Мультикультурный совещательный совет для разработки новых программ с учетом нужд и требований этнических меньшинств в рамках проекта Национального антирасистского партнерства и стратегии – «для искоренения всех форм расовой дискриминации»³². Более того, из уст официальных лиц прозвучало и такое утверждение, будто мультикультурализм не просто работает в национальных интересах, но он – «основная часть нашей национальной идентичности»³³.

Упорное заигрывание с мультикультурализмом ведущих политиков АС и их состязание, кто более привержен идее культурного многообразия, имеет прагматическую подоплеку. Для правительства Гиллард активность на данном направлении имеет целью не столько сплочение нации, сколько собственное политическое выживание. Лидеры оппозиции, как и АЛП, боясь потерять голоса меньшинств, не готовы нарушить устоявшийся принцип двухпартийной поддержки мультикультурализма: и те и другие видят в диаспорах дополнительный электоральный резерв. Так что все последние дискуссии вокруг анализируемой политики, демонстрируют лишь нежелание ведущих политических сил АС менять что-либо в этой сфере из опасения не столько усугубить стоящие перед обществом проблемы, сколько утратить свои парламентские кресла³⁴.

Эту заинтересованность политического класса видят и активно используют лидеры диаспор. Устройство общества, восходящее к идее культурной многоукладности – условие сохранения социального веса этого слоя, который уместно назвать «этнобюрократией». Значимость и статус ее представителей

определяется тем, что они – «профессиональные» выразители и защитники интересов групп меньшинств, на поддержку своеобразия которых Австралия ассигнует немалые средства. Мультикультурализм – оптимальный вариант для сохранения ими влияния и в своих диаспорах, и в общественно-политической структуре страны в целом. Посему любой намек на изменение ситуации или невнимание к их мнению расценивается «этнобюрократими» крайне болезненно.

Так, в период подготовки к федеральным выборам 2007 г. мусульманские лидеры были весьма обеспокоены тем, что вместо подготовленного ими доклада о мерах по борьбе с экстремизмом, терроризмом и иными проблемами, затрагивавшими интересы исламского сообщества, правительство Дж. Говарда обнародовало свое заявление по данным вопросам. В связи с этим руководители Мусульманской референтной группы Яссер Солиман и Амир Али выразили недовольство и тем, что их документ не опубликовали, и тем, что «некоторые люди могут прочитать между строк» в официальном документе. А президент Ассоциации ливанских мусульман Том Зрейка по существу обвинил правительство в намерениях посредством нападок на мусульман во время предвыборной гонки отвлечь избирателей от реальных проблем, стоящих перед обществом. Впрочем, такая резкая риторика имеет вполне прозаическую подоплеку: как откровенно заявил Ясмин Хан – мусульманский лидер из Квинсленда, крайне важно, чтобы диаспора не сочла их «карманными мусульманами премьер-министра, взятыми на роль резиновой печати власти». Чтобы успокоить исламскую общественность, представитель парламентского секретаря по делам мультикультурализма Э. Робба опроверг наличие в документах правительства каких-либо задних мыслей относительно мусульман и заверил, что большинство их предложений было одобрено³⁵.

Из подобных заявлений явствует, что последователи Корана весьма поднаторели не только в правозащитной казуистике и перетолковывании фактов, но и игре в «злой – добрый»: чередовании примирительных деклараций с резкой риторикой. Это во многом объясняет ситуацию, когда лидеры мусульман публично заявляют только о своих миролюбивых намерениях, а

их молодежь ведет себя так, будто получила карт-бланш на радикальные акции. Предположение, что исламское духовенство, якобы, не пользуется авторитетом в своих общинах, нелепо. Организующая и этнообразующая роль данной социальной группы, как и ее влияние на рядовых мусульман общеизвестно³⁶. Увы, в этих политических играх участвуют и власти АС хотя бы тем, что не рискуют применять, когда это нужно, законы, если те нарушаются представителями меньшинств. В такой ситуации интенсификация межнациональных трений неизбежна, а последствия их будут драматичнее, если на более радикальные действия решатся представители большинства. Под горячую руку попадут не только агрессивные мусульмане, но и все не-европейцы, что, собственно, и наблюдалось в 2010 г. по отношению к выходцам из Индии.

Сказанное выше позволяет сделать предположение, что в ближайшее время в АС маловероятен европейский сценарий пересмотра позиций политического класса относительно культурного плюрализма. Скорее, политики постараются сохранить нынешнюю форму организации гетерогенности населения АС. Смысл такой стратегии ясен, особенно в контексте сложившейся в стране этнодемографической ситуации. Ведь из переписи населения 2006 г., которая в духе политкорректности обходит вопрос об этническом происхождении граждан, заменяя его вопросом о родном языке, явствует, что к этническим меньшинствам (говорили дома на своем родном, а не английском языке) относится минимум 3,1 млн. чел., или почти 16% населения страны. Используя для расчетов маркер «конфессиональная принадлежность», легко можно определить и тенденцию устойчивого роста численности диаспор, не относящихся к европейским народам (см. рисунок).

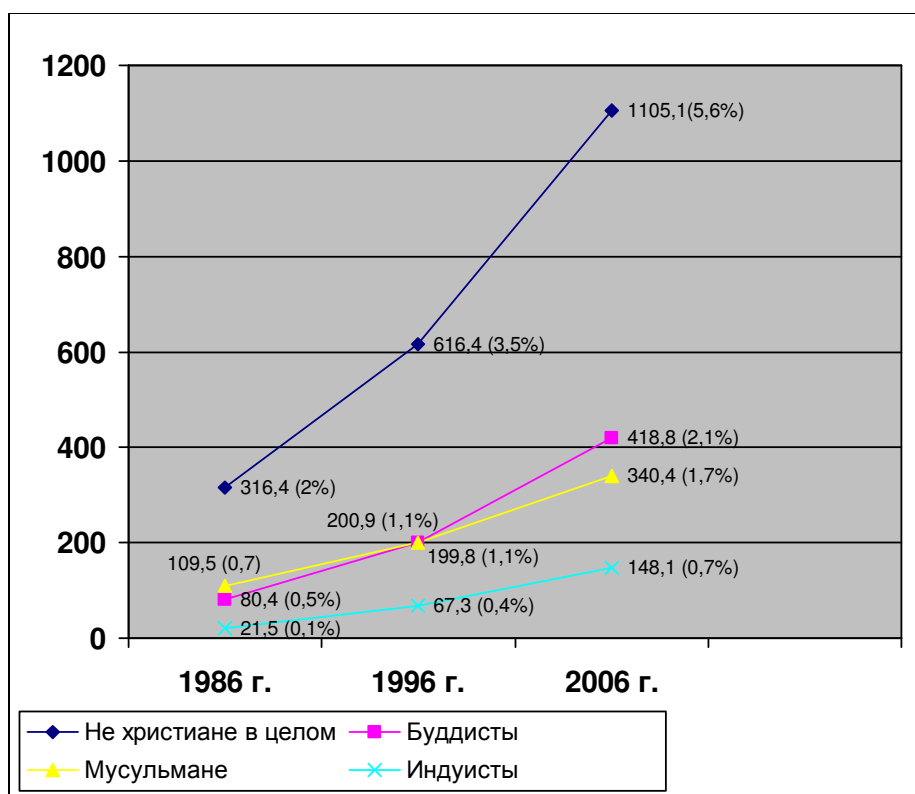

Рис. Динамика численности представителей основных нехристианских конфессий в Австралии (тыс. чел., %)

К сказанному можно добавить, что если до 2002 г. мусульмане составляли всего 3,8% иммигрантов, то к 2006 гг. этот показатель вырос в 2,1 раза, достигнув 8,2%³⁷.

Но, несмотря на все это, существующая модель регулирования межнационального взаимодействия все менее согласуется с реальностью. Эксперты и обозреватели отмечают явный «подъем волны агрессивного национализма» среди англо-кельтской молодежи, которой со школьной скамьи внушали, что они живут в стране, состоящей из «нации племен: «итало-австралийцев», «вьетнамо-австралийцев» и пр.», и что угроза расизма может исходить только со стороны основного населения страны. Причем этнокультурные «различия приветствовались как особенность, которая делает Австралию хорошей», а утверждение, будто австралийская культура либо скучна, либо ее не существовало как таковой, и только иммигранты-этники «создали в АС интересную жизнь», преподносилось как аксио-

ма³⁸. Ответом большинства стало повышение внимания к европейским корням нации. Эти наблюдения подтверждают социологические исследования. Согласно опубликованным в феврале 2011 г. данным многолетнего мониторинга общественного мнения, хотя 87% опрошенных высказались в поддержку мультикультурализма, 49% респондентов одновременно объявили себя противниками мусульман, а 12% не постеснялись назваться расистами³⁹. Подобная избирательность практически половины респондентов свидетельствует о том, что общество беспокоит не столько сам по себе этнокультурный плюрализм. Австралийцев тревожит, скорее, то, что существующая практика его регулирования позволяет отдельным группам меньшинств жить в АС, пользоваться всеми благами его социальной системы и при этом игнорировать или открыто отвергать принятые в стране нормы обыденного поведения, ценности и стандарты, а подчас и законы.

Таким образом, как и в большинстве западных стран австралийский мультикультурализм вместо того, чтобы сделать социум гармоничной мозаикой этнических культур, скрепленных едиными для всех правовыми нормами и гражданским равноправием, превратил его в подобие сшитого на живую нитку лоскутного одеяла. Не удивительно, что оно расползается по швам при малейшем напряжении его составляющих, которое проистекает из постоянных попыток отдельных групп перетянуть его на себя. Поскольку в АС даже робкие попытки первого десятилетия XXI в. скорректировать мультикультурную парадигму приводили к напряженности в социально-политической сфере, ожидать решительного отказа от ее постулатов в ближайшее время не стоит. Но чрезмерное заигрывание с этническими меньшинствами в сложившихся обстоятельствах чревато для Австралии дальнейшим осложнением внутри- и внешнеполитической ситуации. Решение этих острых проблем лежит только на пути к всеобщему гражданскому равноправию без каких-либо привилегий по этническому или конфессиональному принципу.

---

¹ Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии.* СПб., 2002.

² British PM signals multiculturalism policy change. Updated Sat Feb 5, 2011 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/02/05/3130985.htm>).

³ См. подробнее: Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // Ответственные науки и современность. 2004. № 1.

⁴ Year Book Australia, 2009–10. CHARACTERISTICS OF THE POPULATION

(www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Latestproducts/1301.0Feature%20Article7012009-10?opendocument&tabname=Summary&prodno=1301.0&issue=2009-10&num=&view).

⁵ Бусыгин А.. Полиция Австралии сорвала подготовку Армагеддона (www.utro.ru/articles/2005/12/19/505751.shtml).

⁶ «The Straits Times», September 14, 2010, p.A20.

⁷ Sheikh denies Australian Muslims preach violence. Posted Mon Jul 25, 2005 5:42pm AEST

(<http://www.abc.net.au/news/stories/2005/07/25/1421911.htm>).

⁸ См.:Свирин Г.. На улицах Сиднея полыхает бунт, 13 декабря; Коваленко А. Погромщики в Сиднее активизируются к выходным. 14 декабря (www.utro.ru/articles/2005/12/19/505751.shtml).

⁹ См. подробнее: Issues Paper: Law Enforcement Legislation Amendment (Public Safety) Act 2005 (<http://www.ombo.nsw.gov.au/publication/PDF/discussion/Issues%20Paper%20Law%20Enforcement%20Legislation%20Amendment%20Public%20Safety%202006.pdf>).

¹⁰ Дегенерация цивилизации (<http://www.dpni.org>).

¹¹ MP 'defending Australia' against Muslim school. Updated Fri Dec 21, 2007 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2007/12/21/2125165.htm>).

¹² Residents uneasy amid opposition to Muslim school. By Tom Iggulden. Posted Dec 20, 2007

(<http://www.abc.net.au/news/stories/2007/12/20/2124578.htm>).

¹³ Ibidem.

¹⁴ MP 'defending Australia' against Muslim school. Updated Fri Dec 21, 2007 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2007/12/21/2125165.htm>).

¹⁵ Marr D., Wilkinson M. Dark Victory. Sydney, 2004, p. 383–384.

¹⁶ People smugglers 'granted refugee status'. By Karen Michelmor for Four Corners (<http://www.abc.net.au/news/stories/2010/>).

¹⁷ Christmas Island funerals anger relatives. Updated Tue Feb 15, 2011, AEDT. (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/02/15/3138841.htm>).

¹⁸ См.: Asylum seekers launch new rooftop protest. Updated Tue Apr 26, 2011 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/04/26/3200716.htm>); Opposi-

tion calls for force to end Villawood protest. Updated Sat Apr 23, 2011 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/04/23/3199067.htm>).

¹⁹ Curtin asylum seekers join protest. Updated Sun Apr 24, 2011 6:38pm AEST. (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/04/24/3199269.htm>).

²⁰ Bowen threatens new laws for asylum rioters. By Jeremy Thompson and staff. Updated Tue Apr 26, 2011 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/04/26/3200251.htm>).

²¹ Greens fear return to temporary visas. By Jeremy Thompson. Updated Tue Apr 26, 2011 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/04/26/3200564.htm>).

²² Bowen threatens...

²³ Indian attacks a known problem: police // «The Sydney Morning Herald», January 20, 2010.

²⁴ M. WADE AND P. GREGORY. India hits back over student attacks // «The Age», January 20, 2010.

²⁵ Year Book Australia, 2009–10. CHARACTERISTICS OF THE POPULATION...

²⁶ Deep divisions simmer in our cultural melting pot. By Ch. Uhlmann. Posted Fri Feb 18, 2011 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/02/18/3142403.htm?site=news>).

²⁷ MP labels multiculturalism divisive. Posted Tue Jan 31, 2006 8:49 am AEDT. (<http://www.abc.net.au/news/stories/2006/01/31/1558491.htm>).

²⁸ NSW election campaign 'a lost opportunity' for multiculturalism. Posted Wed Mar 21, 2007

(<http://www.abc.net.au/news/stories/2007/03/21/1877445.htm>); New multiculturalism needed, says Debnam. Posted Fri Jan 26, 2007 (<http://www.abc.net.au/news/stories/2007/01/26/1834452.htm>).

²⁹ Multiculturalism needs better promotion: Democrats. Posted Tue Feb 21, 2006 4:42pm AEDT. (<http://www.abc.net.au/news/stories/2006/02/21/1575136.htm>)

³⁰ NSW election campaign 'a lost opportunity' for multiculturalism. Posted Wed Mar 21, 2007 10:01am AEDT. (<http://www.abc.net.au/news/stories/2007/03/21/1877445.htm>).

³¹ См.: Скоробогатых Н. Выборы 2010 года в Австралийском Союзе: специфика и итоги. 22.11.2010 (<http://www.journal-neo.com/?q=ru/node/2921>).

³² Deep divisions ...

³³ New policy to continue 'genius' multiculturalism. Updated Wed Feb 16, 2011 10:15pm AEDT. (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/02/16/3140912.htm>).

³⁴ См. подробнее: Скоробогатых Н. Политический класс Австралии и мультикультурализм. 20.04.2011 (<http://www.journal-neo.com/?q=ru/node/5898>).

³⁵ Zwartz B. Muslims fear being used as scapegoats in election // «The Age», December 14, 2006.

³⁶ См.: The Australian People. An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins / Ed. by J. Jupp. Cambridge, 2001, p. 566, 568.

³⁷ Year Book Australia, 2009–10. CHARACTERISTICS OF THE POPULATION...

³⁸ Deep divisions ...

³⁹ 40pc of Canberrans 'anti-Muslim': report. Updated Wed Feb 23, 2011 1:35pm AEDT. (<http://www.abc.net.au/news/stories/2011/02/23/3146478.htm>).